

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И ВЕК РАЗУМА НАКАНУНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается проблема истоков европейской гуманитарной мысли, положившей начало эпохе Просвещения. Отсчет предлагается вести от гуманистической концепции Возрождения и ее самых ярких представителей: Данте, Мирандоллы, Монтеня, Эразма Роттердамского. Показано, каким образом духовная культура позднего Ренессанса повлияла на движение Реформации в Северной Европе. Век Разума, связавший Возрождение и Просвещение, представлен мировоззренческими подходами Ф. Бэкона, Р. Декарта, Дж. Локка. Раскрываются особенности рационалистической философии в преломлении на общественно-политическую и государственно-правовую культуру Нового Времени. Особое внимание уделено политической философии и религиозной толерантности Локка, чьи идеи впоследствии нашли воплощение в американском и французском Просвещении, конституционных документах той эпохи. Предметно анализируются события, серьезно пошатнувшие моральные и политические основы Европы: принятие Конституции Корсики и Лиссабонское землетрясение. Показан масштаб личности Паскаля Паоли – первого европейского конституционалиста.

Введение. Комплекс идей и представлений, воплотившийся во Французской революции, несомненно, берёт начало от того европейского идеологического течения, которое принято называть «Просвещением». Это влиятельное общекультурное движение эпохи перехода от феодализма к капитализму, если выражаться марксистской терминологией. Верно отмечено, что «специфику содержания Просвещения более всего характеризуют два момента. Во-первых, его социальный и нравственный идеал. Во-вторых, план осуществления этого идеала. Деятели Просвещения желали утвердить на земле “царство разума”, в котором люди будут совершенными во всех отношениях, восторжествует гармония интересов свободного индивида и справедливого общества. Очень многие из них основные свои надежды на пришествие “царства разума” связывали с вытеснением из массового сознания обскурантистских клерикальных идей, с ликвидацией реакционных феодально-аристократических установлений, нравов, традиций.

Главная ставка делалась на энергичное распространение рационального знания, преодоление темноты и невежества масс, на внедрение в общественную жизнь ценностей, базирующихся на уважении человеческого достоинства. Исключительно важная роль отводилась процессу политического, морального, эстетического воспитания индивида, привития ему потребностей в добре, истине, красоте, качеств истинного человека и гражданина. В разных формах, пропорциях, отражая национальные и общественно-исторические особенности соответствующих государств, взаимодействуя с иными идеологическими факторами, отмеченные моменты присутствовали в Просвещении Франции, Италии, Германии, Англии, России и Польши, Северной Америки и других стран» [1, с. 277].

Основная часть. Но где его начало и кого следует считать родоначальниками этого течения? Здесь нет однозначного ответа. Если называть Просвещением «атаку на темноту и на представления о сакральности абсолютной власти монархов» [2, с. 57], то классическим представителем этого типа мыслителей, которых в начале XVII века называли «интеллектуалистами», был Мишель Монтень (1533–1592). Он, как и другие интеллектуалы в качестве довольно отчётливой группы, стал возможен в Европе в XVI веке в связи с рождением секулярного общества и достижениями науки.

Монтень – самый значительный автор эпохи кризиса ренессансного сознания, он завершает и доводит до высшей точки традицию учёного скептицизма. В своих «Опытах» [3], ничего не принимая на веру, подвергая всё анализу разума – хотя и несовершенного, но единственного орудия познания вещей, которыми располагает человек, – он стремится тем самым приблизиться к истине. В независимости суждений он видит средство сохранить внутреннюю свободу личности, а любому обычаю, религии и государству придаёт относительный характер. Поиски высшей мудрости на основе гуманистического эпикурейства приводят его к природе как источнику мудрости и простоты. Монтень оказал огромное влияние на развитие материализма во Франции, а его здравый смысл, человеколюбие и скептицизм были средством критики католической морали и средневекового догматизма.

Но если всмотреться пристальнее в европейскую историю, то отчётливое стремление к зрелости, свободе и самоуважению берёт истоки в возрождённой концепции гуманизма, а это – более ранний пе-

риод. Стремление человека реабилитировать своё тело, чувства, сердце и разум, пробудить интерес к природе стало возможным в эпоху Возрождения, оно «снова открыло союз человека и природы и увидело в природе людей нечто такое, что сам Бог избрал для своих целей» [4, с. 92]. Гуманистическая концепция была провозглашена Пико делла Мирандолла (1463–1494) в его «Речи о достоинстве человека» – блестящем творении этой великой эпохи. В этом произведении утверждалось не больше не меньше, что человек стоит в центре мира, где в Средние века стоял Бог, и что он по собственному желанию может уподобиться, если не самому творцу, то уж во всяком случае херувимам (ангелам), чтобы стать столь же прекрасным и совершенным, как они. На основе этих тенденций в Новое время складывается, с одной стороны, новоевропейская личность, с другой – рациональное понимание мира и природы. О формировании самостоятельных типов новоевропейской нормативности: религиозном (все более вытесняемом в специальную нишу); мыслительном (философия науки); правовом (регулятивный инструмент); художественном (литература, живопись, театр) – говорит В.М. Розин [5, с. 224]. Поэтому неслучайно столь важную роль начинают играть институты государства, экономики и образования. Не удивительно, что новое открытие греческой философии, литературы, драмы и искусства, новое открытие Ветхого Завета и философии монотеизма создало культуру, основанную на принципах свободного творчества, которая впоследствии стала примером для подражания всей Европы. Главное – люди перестали бояться своей собственной индивидуальности, освободились от догмата виновности, в созидании видели исполнение воли Бога.

Вопреки догматизму официальной церкви главным научным устремлением Мирандоллы было отыскание единой истины, источником которой могли служить различные философские системы и разные религии, за что некоторые его произведения по решению Папы были признаны еретическими. Разрушая детерминизм средневековья, Пико высвобождал волю человека, награждал её свободой, а путь окончательного формирования человеческой сущности видел через познание. Восхвалению науки у него посвящено немало страниц, и заметное смещение акцента с теологии на философию оказывается закономерным завершением рационалистических тенденций в итальянской гуманистической мысли конца XV века. Философ-гуманист глубоко верит в величие разума человека, силу его созидательных способностей.

Однако и Мирандолла возник не на пустом месте. Он во многом и состоялся благодаря тесной дружбе с Верниа дель Медиги, Фичино, Полициано, Бенивьени, Лоренцо Медичи (это в основном «философы падуанской школы аввероизма и участники платоновской Академии») [4, с. 243]. Поразительно, что это было в ту самую эпоху, когда Францию сжигала столетняя война, когда Испания, завершая Реконквисту, выживала последние остатки мусульман, а в Германии господствовало «кулачное право»! Пережившая схожие невзгоды веком ранее городская Италия, «остывшая, оставляла великолепные кристаллы, которые мы называем искусством раннего Возрождения или гуманизмом. Но сколько было гуманистов?» – задается вопросом Л.Н. Гумилев [6, с. 231]. Знаменитый историк Огюст Минье подсчитал, что за 100 лет Кватроченто, т.е. на протяжении XV века, в Италии было пятнадцать гуманистов (!) и примерно столько же хороших художников, а население было свыше 10 миллионов. В XVI веке положение и вовсе изменилось, они главным образом занимались подготовкой к изданию (тогда уже появилось книгопечатание) тек рукописей, которые им удалось собрать в Византии, разгромленной турками. Людей искусства стало еще меньше, но именно к этому времени относятся такие имена, как Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини. Но все это – угасающий, поздний Ренессанс, как сказал бы Л.Н. Гумилев, «пассионарный спад».

Кто же стоял у его истоков, и благодаря кому состоялась цивилизация Возрождения? Вне всякого сомнения, это – Данте Алигьери (1265–1321). Хотя, казалось бы, какое нам дело до автора «Божественной комедии» (1320) и первой романизированной автобиографии «Новая жизнь» (1292)? Но обратим внимание на его произведение, имеющее прямое отношение к рассматриваемой теме.

Речь идет о трактате «Монархия» (1312) [7], где Данте впервые провозгласил принцип разделения духовной и светской власти, настаивая при этом на суверенитете последней. Конечно, во многом здесь сказало влияние Иоанна Солсберийского с его «Policraticus», написанном еще в 1159 году, хотя и ранее появлялись произведения, где «защищалась сакральность королевской власти от притязаний партии Папы» [8, с. 264]. Но Данте пошел дальше. Его беспокоило падение авторитета церкви и размах коррупции в этой могущественной системе. Но церковь в те времена никакой критики не воспринимала, поэтому трактат был незамедлительно осужден и подлежал сожжению: «Все оставалось без изменений. Колокольчика Данте никто не услышал, и через два столетия Мартину Лютеру пришлось ударить в набат» [9, с. 172]. Еще раньше, в 1302 году, Флоренция (где он родился и пытался активно участвовать в общественно-политической жизни города) лишила Данте гражданских прав и приговорила к смертной казни, вследствие чего ему пришлось обратиться в изгнание.

Данте вошел в политическую историю не только знаменитым выражением «Государь, которого можно назвать слугой всех» (позднейшая перефразировка – «Государь есть первый слуга и первый чиновник государства»). В «Божественной комедии» [10] звучит вызов старой системе и философии новой исторической эпохи: «Многие должны были оказаться в аду. Кто-то должен был пройти чистилище и попасть в рай. Данте вполне добросовестно представил еще живым читателям имеющиеся у них альтернативы. Каждый мог выстроить собственную жизненную траекторию и попытаться определить свою

судьбу. Ведь не случайно род людской назван homo sapiens. В соответствии с духом античности, который Данте вместе с первыми немногими открыл для себя, человек есть демиург, творец всего сущего, и от самого человека зависит то место, куда он попадет после смерти. Человек не песчинка и не ничтожество, а создатель этого мира. В этом смысл того, что со временем стали называть гуманизмом, того, что и создало современную цивилизацию» [9, с. 174]. По словам Ж. Дюломо [11], Данте обращается к каждому думающему человеку с предложением думать еще больше, острее, направленнее. Именно поэтому столь весомо, на наш взгляд, это слово и имя – Данте Алигьери. Но практическое воплощение идей Возрождения происходит в позднем Ренессансе.

Во времени он совпал с движением Реформации в Северной Европе. Эти явления обычно считают отдаленно связанными между собой и обладающими различными характеристиками, но между ними всё же существует очень важная связь, к которой привлекает наше внимание Дж. Франкл: «Речь идёт о дружбе между Пико дела Мирандолла и Иоганном Рейхлиным. Молодой итальянский философ стал учителем немецкого схоласта, его вдохновителем и образцом для подражания, и именно благодаря Рейхлину великие идеи Ренессанса проникли в Германию, где они в конце концов превратились в идеи Просвещения (курсив наш. – А. П.)» [12, с. 99]. Рейхлина поддержала профессура германских университетов, однако волнения в рядах немецких учёных вызвали не только новые идеи, которые он излагал, но и фанатичное противодействие им церкви, и его преследование инквизицией.

Следует помнить, что во второй половине XVI века немецкая светская культура достигла такой стадии развития, что никакой компромисс с традиционным схоластическим образованием больше не был возможен. Знакомство североευропейских учёных с итальянской гуманистической мыслью оказало решающее влияние на развитие европейской культуры. Человек нового типа хотел заменить прежние догматы вины, которые церковь наложила на сознание европейцев и которые доминировали веками, набожностью, которая не противоречила бы свободе разума и уважению к личности человека. Так, флорентийский неоплатонизм и иудейская концепция святости человека – как индивидуума, так и всего рода человеческого – стали источником вдохновения распространившейся по всей Европе культуры гуманизма. Здесь нельзя не упомянуть человека, которого можно считать выразителем различных тенденций и идеалов североευропейского гуманизма – Эразма Роттердамского (1469–1536), голландского философа и писателя, проведшего жизнь в скитаниях. Его сочинения были внесены в «Индекс запрещённых книг», а сам он осуждён Трентским собором как нечестивый еретик.

Как пишет Дм. Быков, «Эразм с его одиннадцатью томами дружеской переписки был кем-то вроде начштаба европейской гуманитарной интеллигенции, сравнение его с Вольтером стало общим местом (и Вольтер недвусмысленно подражал его стилистике в «Философских повестях»)… [...] книжная премудрость представлялась [ему] вещью неважной, разумеющейся, не принципиальной» [13, с. 576]. Он принадлежал к просвещеннейшим европейцам всех времен, одним из первых отказался от схоластики, ибо последняя исключает компромиссы. Во многом благодаря интеллектуальным усилиям Э. Роттердамского «расшаталось» церковное всемогущество и средневековые перетекло в новые времена. Решающим следует считать конфликт Эразма с не менее знаковой фигурой эпохи – Мартином Лютером. Он открыто осуждал германский национализм, антисемитизм, фанатизм и распутный нрав Лютера, его нетерпимость и, самое главное, убежденность в беспомощности человека перед лицом божественной воли, из-за чего теряла смысл гуманистическая концепция изначальной сущности человека как воплощения добра. Люди, подобные Эразму, хотели освободить своих современников от церковных предрассудков, суеверных страхов и показать им возможности разума и рациональной морали в деле изменения души и жизни. Он призывал следовать простейшим правилам поведения, которые верней всего назвать не католическими, не реформаторскими, а попросту христианскими.

Вот как охарактеризовал складывающуюся ситуацию О. Шпенглер: «Духовная творческая сила возникает не с Реформации, но после нее. Подлинным ее созданием была свободная наука. Еще для Лютера ученость была всецело *ancilla theologiae* (служанка теологии. – А. П.), а Кальвин сжег на костре свободомыслящего Сервета. [...] Знание было оправданной, а не опровергнутой религией. Однако теперь критическая мощь городского духа сделалась так велика, что она уже больше не удостоверяет, но проверяет. [Поэтому] чистым объектом анализирующей духовной деятельности была сумма истин веры, причем воспринимаемых рассудком, а не сердцем. [...] Рационализм означает веру исключительно в результаты критического понимания, т.е. в “рассудок”» [14, с. 312, 318]. Математическое и экспериментальное направление в познавательной деятельности, опора на практическую механику – так наука навсегда высвободилась из-под теологии. В начале XVII века европейская мысль принимает, таким образом, новое направление, чему способствовали ошеломляющие открытия астрономии и других наук. Чего стоит один переворот, произведённый Коперником, в результате которого человек и его мир сместился из центра вселенной: «с одной стороны, это роняло человека в собственных глазах, с другой – возвышало на недосягаемую высоту. Познавание законов, управляющих движением небесных тел, возвышало человека в ранг созданий, способных проникать в глубочайшие тайны природы: те самые научные знания, которые вытолкнули его из центра мироздания, позволяли ему стать властелином природы» [15, с. 71]. Это было абсо-

лютно новым мировоззренческим подходом в сознании европейца, ведь до XVII века неизменность человеческого бытия была непреложным постулатом философской мысли.

Светская ученость и вера в разум очень многим обязаны развитию и учреждению в Европе протестантизма. Созвучно протестантской религиозной доктрине формулируются основания постулаты Века Разума. По мнению М. Вебера, решающей становится следующая точка зрения: «... подобно тому как христианин узнают по плодам его веры, так и познание Бога и его намерений может быть углублено посредством познания его творений. В соответствии с этим все пуританские, баптистские и пиегистские вероисповедания проявляли особую склонность к физике и другим, пользующимся теми же методами математическим и естественным наукам. В основе лежала вера в то, что посредством эмпирического исследования установленных Богом законов природы можно приблизиться к пониманию смысла мироздания, который вследствие фрагментарного характера божественного откровения (чисто кальвинистская идея) не может быть понят путем спекулятивного оперирования понятиями. Эмпиризм XVII века служил аскезе средством искать “Бога в природе”. Предполагалось, что эмпиризм приближает к Богу, а философская спекуляция уводит от него» [16, с. 239]. Парадоксально, но факт, что этот подход нашел фактическое воплощение, в том числе у сторонников официальной англиканской церкви и ревностных католиков. О них и пойдет речь.

Именно Фрэнсис Бэкон (1561–1626) был первым мыслителем, который осознал, что несёт в себе научный метод, и воспринял знания – знания, обретенные научными наблюдениями и прозрениями, – не только как путь к пониманию мира, но и как средство воздействия на него. Как писатель он считал своим учителем Мишеля Монтеня, но как учёный доказывал вещи, которые столетием ранее обличили бы его как явного сумасшедшего. Бэкон доказывал, что, разрабатывая новые методы, которыми достигается истинное знание, т.е. заменив классические и схоластические модели эмпирической и индуктивной методологией, применяемой в естественных науках, он закладывает основы господства человека над природой и самим собой. Подзаголовок его трактата о научной методологии – («О царстве человека» [17, с. 80]) – показывает: Бэкон сознавал, что заключено в развиваемой им теории. Учёный поставил под сомнение теорию «врождённых идей», так как она не согласовывалась с эмпирической методологией, и утверждал, что знания обретаются через ощущения.

Теория познания, основанная на концепции «врождённых идей» (её истоки в учении Сократа и писаниях Святого Августина), подразумевает заложенные в человеке от рождения представления о Боге, о добре и зле, чувство времени и пространства и даже начала логики. Понятно, что политическое содержание этой теории носило отчётливо консервативный характер: неизменность человеческой природы обуславливала неизменность человеческого поведения и постоянство политико-социальных установлений. Новое же мировоззрение характеризуется оптимистическим отношением человека к своей способности узнавать истину и получать знание, поэтому Бэкон так последовательно, по выражению К. Поппера [18, с. 346], выступает против «метафизической чепухи». Вера в силу человеческого разума напрямую связана с доктриной достоинства человека и верой в близкого человеку Богу, который хочет сделать его разумным, ответственным и творческим существом. Здесь упомянем предшественника – однофамильца Фрэнсиса – Роджера Бэкона (1220–1292), который в своём сочинении «Doctor mirabilis» [19] выступил в качестве одного из первых сторонников единой мудрости. Выступая против установления границ, за которые не должен выходить ни один мыслитель, он предполагал, что частью разума является «деятельный интеллект», объединяющий всё возможное знание и, таким образом, сходный с Божественным разумом.

В поисках нового мировоззрения Ф. Бэкон выступал на «стыке» великого Возрождения и надвигающегося Просвещения, не зря он пользовался безусловным авторитетом у французских энциклопедистов. Приверженность Бэкона к рациональной методологии выражалась в пропаганде науки, на указание её первостепенного значения в жизни человечества, на выработку нового ценностного взгляда на её строение, классификацию, цели и методы исследования. Наука – не цель сама по себе, знания ради знания, мудрость ради мудрости. Конечная цель науки – усовершенствования, изобретения и открытия. Цель последних – человеческая польза, удовлетворение потребностей и улучшение жизни людей. Кстати, именно по этому основанию чаще всего упрекают Ф. Бэкона в утилитаризме и прагматизме, но именно в разработке «философии индустриальной науки» (по выражению Б. Фаррингтона) коренится одна из причин столь продолжительной популярности его взглядов, не случайно из античных философов учёный высоко ценил лишь древнегреческих материалистов и натурфилософов. Это не был мыслитель кабинетного (Кантовского) стиля. Достигнув карьерных вершин верховного канцлера и пэра Англии, Бэкон повсеместно внедрял научные методы, разрабатывал общую стратегию науки, определял генеральные маршруты её продвижения и принципы организации в будущем обществе.

Однако как политический деятель Ф. Бэкон оценивается, мягко говоря, неоднозначно. Его цинизм порой превышал все допустимые пределы. Он не верил в общество и институты представительной демократии, отвергал существование общественной нравственности, так как, по его разумению, самый простой способ общения с народом – обращение к самым низким чувствам людей. Тот факт, что это зачастую приводит к нужным для элиты результатам, усиливает его презрение к массам, недостойным ниче-

го лучшего (не правда ли, «Бонапартизм» в чистом виде?). Бэкон не признавал верховенства права, а следовательно – и парламента. Он считал естественный закон и разум более высокими категориями.

Сделав карьеру при дворе, со взлетами и падениями, он удивительно напоминает своего незаурядного предшественника – Н. Макиавелли, которого яростно ненавидели гуманисты Ренессанса, а впоследствии – французские энциклопедисты. Как и флорентинец, Бэкон неоднократно предавал своих покровителей, корыстно использовал своё высокое положение, обвинялся в коррупции и полностью признавал свою вину. Не брезговал он и откровенным плагиатом. «Как появился на свет британский эмпиризм? – спрашивает в своей работе Дж. Стейнберг. – Он был переписан Ф. Бэконом из трактата итальянца Паоло Сарпи “Арте дель бен Пенсаре”, где утверждается, будто человеческое познание происходит исключительно через органы чувств» [20]. Постоянное пребывание при дворе выработало у него безусловное признание абсолютной монархии, но самого себя Бэкон видел в качестве мудрого советника. Лишь знание и власть имели для него ценность, поэтому тайна и целомудрие становятся частью его натуры.

Как пишет блестящий современный культуролог П.С. Гуревич, «Бэкон оценивает эрос как безумие. Но что может противостоять любви? Только кристально ясный ум...» [21, с. 148]. В этом установка Бэкона противопоставлена культуре Возрождения, но впоследствии будет подхвачена Просвещением, где плотская любовь всё чаще будет трактоваться как чистое безумие, недостойное разумного человека. В рассматриваемую «стыковую» эпоху это было нормальным явлением. Асексуальность исповедовали И. Лойола, Ришельё, Декарт, Паскаль. Этот, казалось бы, необязательный штришок, наглядно характеризует рационалистическую философию. В чём же феномен этого выдающегося учёного, государственного деятеля и политического интригана?

Пожалуй, исходным можно считать тот бэконовский постулат, что элиты должны состоять из людей, которые специально отобраны и обучены, чтобы способствовать дальнейшему развитию Века Разума. Идеалом служило общество, основанное на структуре и логике. Бэкон, по сути, узнаваемый человек наших дней: честолюбивая личность, умеренный националист, постоянно пребывающий в поиске серьёзного работодателя. Он, как и Макиавелли, был пророком политической безнравственности, равнодушным к моральным вопросам. Кстати, Бэкон держался за абсолютизм вовсе не из-за почтения и благоговения перед монархом. Он не был наивным человеком, а поэтому король был только необходимым прикладным центром политического метода, продиктованного временем и местом. Приверженность к секретности, стремление использовать властные структуры для достижения собственных целей и склонность к коварной интриге – вот далеко не полный перечень методов управления, которые применял Бэкон.

Когда в своём произведении «Новая Атлантида» [17, с. 483] Бэкон представил идеальное общество, то фактически описал диктатуру технократов, которые стремились к знанию и правде, при этом скрываясь от людей. Нетрудно заметить, что создание в Европе национальных государств происходило на основе методов рациональной технократии. Например, Кардинал Ришельё (1585–1642) в своей управленческой деятельности заимствовал практически все идеи как Бэкона, так и Декарта. Он цинично считал, что силой своего интеллекта и ума можно воздействовать на ход истории и изменять его направление.

У Бэкона много поклонников и последователей. Здесь на ум приходит прежде всего Генри Сент-Джон Болингброк (1678–1751), политический деятель, философ-деист, представитель английского Просвещения и друг Вольтера. Приверженец элитарного стиля, эмпирик и человек Века Разума, он, например, писал о том, что высшие слои общества могут пользоваться правом свободы мышления, низшие же слои, народ, должны руководствоваться религией. Болингброк, как и его идейные предшественники, признавал необходимой высшую разумную силу, создавшую мир и установившую его законы. Государство он видел как прочный национальный союз во главе с мудрым и справедливым королём.

Таким образом, многие знаковые личности эпохи Просвещения внимательно изучали и следовали принципам рационалистической философии, но то же можно сказать о Ф. Бэконе в отношении его предшественников. Фрэнсис Бэкон точно чувствовал концепцию преемственности в развитии человеческой мысли и очень чтил своих духовных наставников, что дало основание А.Л. Субботину точно сформулировать: «Именно идейное течение Возрождения наряду с крепкой, идущей от Уильяма Оккама и Роджера Бэкона традицией английского номинализма и эмпиризма подготовило почву и явилось предтечей бэконовской философской реформации» [22, с. 16]. Но картина, раскрывающая истоки европейского Просвещения, будет неполной без акцентированного упоминания ещё двух ключевых фигур – Рене Декарта и Джона Локка.

Французский учёный Рене Декарт (1596–1650) (на самом деле – де Карт, отсюда и невразумительность русского термина «картезианство» в приложении к носителю искажённой фамилии) наряду с Ф. Бэконом – столпы современной европейской науки, основоположники рациональной философии. Рене Декарт [23] учил, что для получения истины нет никакой необходимости прибегать к авторитету, потому что внутри каждого человека есть семена знания: они кроются как в его способности к чувственному восприятию, которую он может использовать для наблюдения над природой, так и в интеллектуальной интуиции, с помощью которой следует отличать истину от лжи, отказываясь признавать смутные и туманные идеи. Декарт выступал против догматического учения о порочности человека, изначальной гре-

ховности и недостойности его природы. Нет надобности и в наличии власти или авторитета, который бы думал за человека, спасая его от совершения ошибок: «Если Бог замыслил нас как греховных и низменных существ, то он не ждёт, что мы когда-нибудь поймём его, то есть у нас не будет инструментов знания, и мы останемся в зависимости от догмы. Но если Бог хочет, чтобы мы знали и понимали, он наделяет нас инструментами знания – ощущениями и чувствами, при помощи которых мы можем познавать его творения, и интеллектом, благодаря которому мы понимаем их смысл» [12, с. 124]. Декарт был глубоко верующим христианином, но он был убеждён, что этот новый образ отца Вселенной поощряет людей развивать свой моральный и интеллектуальный потенциал. Мыслящий разум служит источником человеческого опыта и основой его существования. Фраза «Я мыслю, следовательно, я существую» составляет сердцевину декартовской философии познания и раскрывает её основные черты (об этом см. глубокое исследование М. Хайдеггера [24, с. 173]). Эта максима делает разум более определённым, чем материя, и предоставляет интеллекту приоритет, равного которому не существовало никогда прежде.

В познании истины, считал Декарт, универсальное сомнение должно служить первым шагом и условием для отыскания несомненных основ знания. Критицизм для него означал прежде всего высвобождение человеческого ума из всех тех схоластических путей и предрассудков, которыми он обременён. Однако сомнение – не самоцель, а средство выработать плодотворный метод познания. Игнорируя суеверия, догматические теологии и мифические предания, опираясь прежде всего на приёмы и способы математического знания, Декарт упускал из виду, что «разум – это такая система, переходящая в идеологию, а со временем и при наличии силы, он становится догмой без ориентиров, скрываясь под маской объективного исследования» [2, с. 9]. Вне всякого сомнения, большинство деятелей эпохи Просвещения со своим лозунгом абсолютного разума и использованием чистой, холодной логики при разработке любого ответа на действительно чрезвычайно сложные вопросы восприняли самую поверхностную сторону учения Декарта, поэтому было бы недальновидным критиковать Декарта и других его современников за ту страсть, с которой они боготворили разум. В конце концов, любой из них мог оказаться за решёткой и даже поплатиться жизнью за высказывание своих взглядов. Эти гениальные люди действительно полагали, что зарождается интеллектуальная элита, способная создать новую цивилизацию. Каким образом их наследие будет использовано столетием позже для радикальных реформаторских проектов, они и не мыслили. Но произойдёт потрясение всех основ жизни Европы: демонстрация силы и выпячивание абсолютного разума без сдерживающегося воздействия со стороны этических структур приведёт к появлению религии новых элит и узакониванию государственного насилия. В борьбе между гуманистическими и рациональными методами и принципами перевес окажется на стороне последних.

Несомненно, Рене Декарт был тем великим мыслителем, который с наибольшей полнотой развил базовые идеи течения, которое принято именовать конструктивистским рационализмом. Хотя он воздержался от распространения своих идей на область социальной и моральной философии, за него это сделали такие влиятельные фигуры, как Гоббс, Вольтер, Руссо. Поскольку Декарт определял разум как логический вывод из явно сформулированных посылок, рациональным стало считаться только действие, обусловленное исключительно известной и доказуемой истиной. Отсюда как раз и напрашивается вывод о том, что решительно всё, чему человек обязан своими достижениями, является продуктом его умозаключений.

Изучая этот «рационалистический» подход, Ф.А. фон Хайек уловил его «червоточинку»: «Институты и обычаи, которые не были сделаны в соответствии с этой процедурой, могут быть благотворны только случайным образом. Это стало характерной установкой картезианского конструктивизма с его презрением к традициям, обычаям и истории вообще. Человек способен сконструировать общество заново при помощи одного только разума» [25, с. 29]. Трудно переоценить степень влияния этого заблуждения на взгляды самых независимых и смелых мыслителей эпохи Просвещения. Для иллюстрации ограничимся наиболее известными примерами. Вольтер восклицал: «Если вам нужны хорошие законы, сожгите имеющиеся и создайте новые», а не менее влиятельный Руссо доказывал, что «общество может быть справедливым только как мыслящее существо». Таким образом, когда были отвергнуты аргументы о необходимости традиционных правил морали и права, религиозной христианской этики, следом были отброшены и все правила, которым не удавалось найти рационального обоснования. Хотя сам Декарт заботился только об установлении критериев истинности утверждений, его последователи применили их к оценке уместности и оправданности действий. Бессмысленные абстракции и свободные от человеческих, моральных, эстетических ценностей рациональные методологии не могли не привести к тем потрясениям, которые испытала Европа конца XVIII – начала XIX века.

Идейным последователем Ф. Бэкона выступил Джон Локк (1632–1704), подвергший принципиальной критике теорию «врожденных идей» в своём «Опыте о человеческом разуме» [26]. Как пишет Р. Пайпс [15, с. 72], Локк целиком отверг предпосылки этой теории и утверждал, что все без исключения идеи рождаются из чувственного опыта. Человеческий разум он уподобил тёмной комнате, свет в которую проникает единственно чрез восприятие – органы зрения, обоняния, осязания, вкуса и слуха. Перерабатывая эти ощущения, разум порождает идеи. Согласно Локку, мышление – совершенно произвольный процесс, человеку также невозможно отвергнуть или изменить мысли, порождённые в его рас-

судке ощущениями, как зеркалу «не отразить или изменить, или стереть образы или идеи, которые предметы, перед ним расположенные, в нём вызывают». Отрицание свободной воли, вытекающее из теории познания Локка, было основной её притягательной силой, ибо лишь таким путём можно превратить человека в предмет научного исследования.

Неоценим вклад Локка в становление политической философии. Он выступает последовательным защитником неотчуждаемых (естественных) прав человека и суверенитета народа. Смысл его учения состоит в том, что во имя прав граждан и интересов общества необходимо установить пределы деятельности государства и связать его определенными правилами. Его труды оказали значительное влияние на творцов американской конституции, однако нет единого мнения по поводу того, был ли сам Локк сторонником демократических идей, но в разрезе исследуемой темы нас интересует иное.

В отношении роли разума он был сторонником эволюционного подхода, а не конструктивистского рационализма: «Разум не столько устанавливает и предписывает законы природы, сколько ищет и открывает их... Разум не столько создатель этого закона, но его истолкователь» [25, с. 506]. Слово «разум» обозначало, таким образом, лишь способность ума различать между добром и злом, т.е. между тем, что соответствует и что не соответствует признанным правилам, для Локка оно никогда не означало способности «сочинять» такие правила, которые выводятся из явно сформулированных посылок. Это уже в XVIII веке термины «разум» и «естественный закон» приобрели совершенно другой смысл. Именно «благодаря» французским просветителям концепция естественного закона превратилась в концепцию «закона разума», т.е. приобрела смысл, почти противоположный тому, что означала прежде. Представляется, что у Локка было ясное понимание того, что концепция изначально и окончательно развитого ума, который создаёт институты, делающие возможной жизнь в обществе, противоречит всему, что было известно об эволюции человека. Это принципиальным образом отличает Локка от гуманистов Просвещения, которые были прежде всего озабочены тем, чтобы освободить человека и его способности к рациональному от зависимости Бога, и провозгласили человека мерой всех вещей, источником знания и творцом Вселенной. «В основе либеральной теории Локка лежала его философия с культом эмпирических исследований как основы формирования человеческих идей, с протестом против отвлечённых спекуляций, с почтительным отношением к фактам и толерантности в сфере мысли и чувств, а также религиозных воззрений» [27, с. 87]. На последнем – подробнее.

Локк жил в эпоху, когда для Европы предельно обострилась конфессиональная проблема. Период Реформации и Контрреформации ознаменовался кровавым насилием религиозных и гражданских войн. Если восстановить «чистоту» веры в целом невозможно, значит, необходимо установить конфессиональную гомогенность (от *греч. Homogenes* – однородный [28, с. 172]) в конкретных государствах. «Cuius regio, eius religio» (чья страна, того и вера) – краткая формулировка принципа, положенного в основу Аугсбургского религиозного мира (1555). Имелось в виду, что подданные принимают веру своих правителей. (Как считает К. Душенко [29, с. 567], она восходит к высказыванию Цицерона: «В каждом государстве своя религия; у нас – своя»). Во Франции в 1685 году упраздняют Нантский эдикт, который играл на руку протестантам-гугенотам. В Англии все те, кто не воспринял идею единой церкви, массово эмигрируют на американский континент, основывая там религиозные секты. История наглядно продемонстрировала, что навязывание гомогенности неизбежно приводит к явному либо скрытому насилию. На повестку дня выходит новый элемент политической и религиозной культуры – толерантность.

Не случайно в Нидерландах, где толерантность впервые проявила себя повседневной практикой, находящийся в изгнании Джон Локк написал свои «Письма о толерантности» (*Epistola de Tolerantia*) [30], которые – вначале анонимно – были опубликованы в 1689 году, и тогда же на английском языке: «A Letter Concerning Toleration» – «один из великих манифестов свободы», – пишет Христиан Г. фон Кроков [31, с. 441]. (Судя по всему, Локк хорошо знал работу Роджера Вильямса «Кровавая суть преследования за свободу совести» (1644) [32, с. 32]).

В этом произведении Локк в иносказательной манере объясняет необходимость разделения церкви и государства. Церковь не должна вмешиваться в светские дела и требовать для своих верующих привилегий. И даже если церковь за неисполнение внутреннего церковного порядка отлучает своих прихожан, изгнанные не должны претерпевать от этого как граждане государства. Со своей стороны, государство также не должно вмешиваться в дела религиозные; как внешней организационной силе государству нечего делать и что-то доказывать в вопросах веры. Для Локка, однако, свобода веры всегда лимитируется соображениями морали и порядка, поэтому он не доводит свободу веры до свободы совести: «Терпимость не распространяется не только на атеистов, но и на магометан и католиков (последнее – реакция на заигрывание короля Якова II с католической церковью)» [33, с. 187]. Уже только из-за этого Локка не следует идеализировать по вопросам веротерпимости, но такая позиция определенно предвосхищает идею «светского государства», обстоятельно развитую в буржуазной политико-юридической литературе XVIII–XIX веков. Но самое главное, взгляды Локка нашли воплощение в конституционном законодательстве Франции и США, радикально – в первом случае, умеренно – во втором.

В отличие от оголтелых атеистов-демистификаторов французского Просвещения (Гольбах, Гельвеция), Локк широко пользуется теологической аргументацией, но умело вплетает её в общую канву рационалистических умозаключений. Хотя от Локка и пошло английское свободомыслие XVIII века, его мировоззрение нельзя назвать антирелигиозным, «но не подлежит сомнению, что, не бросая вызов религиозному сознанию, он сужал его сферу, вытесняя его рационализмом. Философские взгляды Локка готовили почву для деизма, согласно которому Бог создал мир, но с той поры больше не вмешивался в его дела» [33, с. 185]. Полемизируя со сторонниками абсолютной монархии, он тем самым вступил в конфликт с Робертом Филмером, автором патриархальной теории и сочинения «Патриарх, или естественная власть королей». Но все его высказывания и аргументы были предельно корректны и максимально научны. В конце концов, он всегда ратовал за компромисс при разрешении любых конфликтов. Но пришёл век XVIII, перевернувший сознание и общественно-политическую жизнь европейцев. Наступила эра Просвещения, подготовившая духовную и интеллектуальную почву для Французской революции.

Напомним ситуацию того времени. Франция в XVIII веке была крупнейшим государством в Европе с населением около 25 миллионов (в три раза больше, чем в Англии). Провинции управлялись в основном патрицианской олигархией – высшим духовенством, родовой знатью или теми и другими вместе. Однако кроме духовенства и аристократии, определяемых как первое и второе сословие соответственно, существовало более массовое и весьма процветающее третье сословие – торговцы, чиновники, юристы, учителя, врачи, ремесленники, журналисты, преуспевающие фермеры. В этой абсолютной монархии все должностные лица, местные и центральные, пользовались своими полномочиями от имени короля как его представители. Было лишь два формальных ограничения королевской власти, да и то носивших символический характер – апелляционные суды и Генеральные штаты (короли не созывали их с 1614 года). Церковь не облагалась налогом, а аристократы имели многочисленные привилегии и послабления. В пик Англия финансирование американской революции осуществлялось в основном за счёт крупных займов, а выплата королевских долгов привела страну на грань банкротства.

Всё это процветало на фоне голодных бунтов и крестьянских восстаний, в то время как моральное разложение центральной власти превысило мыслимые пределы: «Цинизм, амбициозность, краснобаиство и преклонение перед силой – вот наиболее распространённая характеристика королевских дворов и придворных XVIII века» – пишет Джон Ролстон Сол [2, с. 54]. В судебной системе были разрешены пытки, а в качестве наказания осужденных подвергали жесточайшим экзекуциям. Как инструмент грубой силы и мракобесия продолжала зверствовать инквизиция. (Для справки, это учреждение было создано в XIII веке по инициативе папы Григория IX на основе буллы, закрепляющей эту функцию за орденом доминиканцев. Инквизиция пустила более или менее глубокие корни только в странах, населенных романским племенем, где католицизм оказывал глубокое влияние на умы и формирование характера. В Германии она первоначально была направлена против племени стедингов, отстаивавших свою независимость от бременского архиепископа [34, с. 155], но в целом не получила развития. Из славянских стран только в Чехии и Польше существовала инквизиция, но недолго. Однако во Франции она была до 1772 года, в Португалии – до 1826, Испании – до 1834, Сардинии – до 1840, Тоскане – до 1852 года. Счёт подвергшимся преследованиям идёт на миллионы, сожжённым – на сотни тысяч. (Инквизиция имела своё философское и политико-правовое обоснование).

И тут, почти одновременно, в Европе произошли два события, серьёзно пошатнувшие моральные и политические основы существующей власти. Речь идёт о событиях на Корсике и Лиссабонском землетрясении, нарушивших внутреннюю стабильность церкви и абсолютной монархии.

На принадлежащей Генуе Корсике сложилась ситуация, которая позволила Руссо и Босуэлли предположить, что разум – это не только абстрактная идея, но и орудие управления обществом. Философские идеи, которые глава корсиканской республики Паскаль Паоли использовал при создании своей конституции, имели в значительной степени французское происхождение. Восстание против генуэзцев привело к тому, что те обратились за военной помощью к Франции, и Людовик XV отправил на остров военную экспедицию. (По стечению обстоятельств среди французских офицеров оказался будущий революционер Мирабо). После неудавшейся первой была и вторая кампания, приведшая к разгрому Республики. Изгнаннику Паоли был обеспечен восторженный приём в Англии (извечный враг Франции), но парадокс состоял в том, что это было время начала американской революции, а Корсика играла ключевую роль в распространении республиканского идеала среди населения английских колоний.

После лондонского изгнания, уже в ходе Французской революции, Паоли пригласили в Париж, где его восторженно приветствовало Учредительное собрание во главе с Мирабо, Дантоном, Робеспьером. Корсиканский лидер предстал как первый человек, который поднялся на борьбу с королями и начал управлять страной под лозунгом разума. Все революционеры боготворили Руссо, а тот ещё в 1762 году написал в своём труде «Об общественном договоре»: «Есть ещё в Европе страна, способная к восприятию законов, – это остров Корсика. Мужеством и стойкостью, с каким этот славный народ вернул и отстоял свою свободу, он, безусловно, заслужил, чтобы какой-нибудь мудрый муж научил его, как её сохранить» [35, с. 240]. Многие философы представляли себя в этой роли, но обстоятельства вынудили Паоли

принять её на себя. Не будучи идеологом, он ощущал себя носителем разума и здравого смысла, что позволило ему на основе принципов Просвещения разработать и принять в 1762 году Конституцию Корсики (на итальянском языке), многие положения которой были учтены Конституцией Франции 1791 года. (Что интересно, «даже когда шла подготовка к четвертованию Пугачева, Екатерина продолжала переписываться с корсиканским революционером Паоли, а другой беспокойный корсиканец, тогда еще неизвестный Наполеон Бонапарт, собирался поступить к ней на службу» [36, с. 323]).

Какие же ценности отстаивал и претворял в жизнь Паскаль Паоли, пытавшийся провести свою страну непосредственно из Средневековья в Век Разума? Он создал систему школьного образования и основал университет, поощрял децентрализацию и местное самоуправление, создал справедливую судебную систему, выступал против рабства, поощрял передовые хозяйственные методы, в военном деле разработал тактику партизанской войны. Хотя сам он был верующим человеком, Паоли серьёзно ослабил политическую власть церкви. Именно этот политический деятель первым написал, что свободные граждане готовы принять только «свободу или смерть». Отстаивая интересы своего народа, Паоли заслужил восхищение Пенна, Босуэлла, Джефферсона, Вашингтона, Бёрка. В то же время это был очень независимый, самостоятельный и ответственный за свои суждения и поведение человек. Он нашёл в себе мужество полностью отклонить «Проект Конституции для Корсики», подготовленный Ж.-Ж. Руссо, который всегда восхищался Паоли и выражал надежду стать его духовным покровителем. Что же предлагал Руссо? Положив в основу свой труд «Об общественном договоре» он утверждал в новом политическом проекте [37, с. 30]: необходимость сохранения первоначального (дикого) образа жизни народа; обоснование закрытого государства с патриархальной демократической формой правления; отрицательное отношение к торговле и финансам при культе земледелия; создание сильной национальной армии. По сути, эта система является закрытой (отрицание заимствований во всех формах), неподвижной (отрицание торговли и финансов), аграрной (преобладание земледельческого производства над всеми прочими), основанной на коллективизме и полной интеграции индивида в традиционные социальные структуры. Паоли придерживался иных, прогрессивных взглядов, он был очень далёк от натурфилософской архаики и нелепых идеалистических проектов. Чуть забегая вперёд, с удивлением будем вынуждены признать, что если рассматривать написанное Руссо не как план преобразований, а в качестве долгосрочного политического прогноза, то здесь он не ошибся. В наше время Корсика – самый захолустный регион Франции: кланово-традиционные устои; аграрная экономика; аполитичность и низкая социальная активность; сепаратизм и отвлеченность от национальных проблем. А ведь при Паоли всё могло быть иначе.

После Парижских событий его послали на Корсику, где он получил все заслуженные почести национального спасителя. Но не поддавшись искушению слыть героем, Паоли продолжал свои реформы в духе общественного служения и самопожертвования. Нарастающий в это время вал смуты и беспорядков в Париже, рост шовинистических настроений приводят к тому, что Собрание в лице крайних радикалов объявляет Паоли преступником и угрожает вторжением на Корсику. В ответ он созывает корсиканскую консульскую конференцию: 1000 членов конституционного собрания, и во второй раз за сорок лет остров объявляется независимой республикой. Но угрозы Парижа вынуждают корсиканцев искать противовес Франции и республика переходит под британский протекторат. Дальнейший уход англичан с острова предопределил судьбу республики. Политический, военный и финансовый авантюрист, известный в истории под именем Бонапарта, развернул активную пропагандистскую и мифотворческую компанию с целью дискредитации Паоли и его деятельности, впоследствии он интегрировал Корсику в структуры французского государства (будучи сам корсиканцем, а отец Наполеона когда-то сражался на стороне Паоли).

Несомненно, Паскаля Паоли следует считать первым в XVIII веке крупным рационально ориентированным государственным деятелем – конституционалистом, радевшим за идеалы республики и демократии. Этот человек ненавидел тщеславие, заговоры и лесть, почести и безудержные амбиции. Он был исключительно честен, умер в бедности, до конца своих дней горячо любил свою родину. Французские революционеры в непрерывных распрях предали идеалы Корсиканской республики, Наполеон её окончательно растоптал, но пример этой героической республики с успехом был подхвачен в американских колониях. Не случайно в ряду выдающихся людей XVIII века были два человека, которые пришли на смену Паоли в международной мифологии идеала республиканца, – Т. Джефферсон и Дж. Вашингтон.

К сожалению, история избирательна в своём стремлении сохранить память о событиях, поэтому прав Дж. Р. Сол, когда пишет о том, что «фиксация в истории того или иного события требует длительного существования достаточно многочисленного сообщества людей – племени или народа, которое бы могло включить это событие в свою мифологию и сохранять его в течение столетий» [2, с. 80]. Ничего этого не произошло с Корсиканской республикой, она «выветрилась» из общей памяти, потому что никто, кроме жителей этого средиземноморского острова, не был заинтересован в сохранении её истории. Парадоксально, но факт – возникнув на ниве французского Просвещения, республика была разрушена именно французами: сначала Людовик XV, затем Революция и окончательно – Бонапарт, появившийся на европейской сцене благодаря предательству как своего наставника, так и своей родины.

В 1755 году помимо событий на Корсике произошло землетрясение в Лиссабоне – трагедия, унесшая жизни многих тысяч людей. Погибли все: взрослые и дети, мужчины и женщины, бедные и богатые. Почти Апокалипсис. Европа задалась вопросом: за что? Требовалось какое-нибудь объяснение произошедшему, а церковь и официальные власти не нашли другого ответа (устаами иезуита Габриеле Малагрида), кроме того, что Бог наказал грешников. Люди признали такой ответ нелепым и циничным. Лиссабон во все не был уж таким Содомом и Гоморрой, никаких особенно страшных грехов за ним не числилось. Поэтому заявление о божественном возмездии было настолько кощунственным и одиозным, что люди эпохи Просвещения вдруг почувствовали себя свободными от всякой обязанности верить высказываниям властей. Особенно сильно пострадал моральный авторитет католической церкви с её претензиями на роль духовного ориентира в жизни людей.

Из всего населения также «пострадала» и аристократия. В течение столетий она непоколебимо верила в законность своих прав. Более того, она извлекала дивиденды из того, что невежественный народ так долго верил и преклонялся власти и церкви. Не удивительно, что философы Просвещения со своим едким остроумием, сарказмом и скептицизмом отторгли официальную трактовку лиссабонской трагедии, значительно подорвав тем самым позиции аристократии. До краха было ещё полстолетия, но первый удар был нанесён. Деспотическая власть церкви, государства и аристократии стала вдруг выглядеть хрупкой, существующей лишь до первого серьёзного кризиса, коим и явилась Французская революция.

Заключение. В рамках данного исследования мы достаточно бегло и, возможно, несколько беспорядочно пронеслись сквозь четыре века. Начав от повторного открытия природы и человечности в эпоху Возрождения, перекинули мостик в Век Разума и остановились на европейском Просвещении. Как показал ход событий, непримиримая и настойчивая сосредоточенность на рациональности дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других – так или иначе признанных – характеристик человека: духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и, самое главное, опыта. Мифическая важность разума затмила все другие категории, «чистая» логика и скептицизм завершили дело. Этические проблемы, сущность здравого смысла и моральные самоограничения отступили под напором Разума. Гуманизм показал свою неспособность уравновесить его. Но чтобы понять свои ошибки, Европе пришлось пережить трагические события, отчёт которых начинается с французской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-кор. РАН В.С. Нерсесянца. – М.: Издат. гр. ИНФРА-М – КОДЕКС, 1995. – 736 с.
2. Сол, Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Дж.Р. Сол; пер. с англ. А.Н. Сайдашева. – М.: АСТ:Астрель, 2007. – 895 с.
3. Монтень, М. Опыты. Избранные главы / М. Монтень; пер. с франц. Г. Косикова; примеч. Н. Мавлевич. – М.: Правда, 1991. – 656 с.
4. Эстетика Ренессанса: Антологии: в 2-х т. Т. 1 / сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – 495 с.
5. Розин, В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти / В.М. Розин. – М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2005. – 352 с.
6. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 384 с.
7. Данте, А. Монархия / А. Данте; пер. с итал. В.П. Зубова; коммент. И.Н. Голенищева-Кутузова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.
8. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издат. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
9. Фортунатов, В. Всемирная история в лицах / В. Фортунатов. – СПб.: Питер, 2013. – 560 с.
10. Данте, А. Божественная комедия / А. Данте. – М.: Худож. лит., 1986. – 222 с.
11. Дюломо, Ж. Цивилизация Возрождения / Ж. Дюломо. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 720 с.
12. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Дж. Франкл; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
13. Быков, Д.Л. Календарь. Разговоры о главном: [Эссе] / Д.Л. Быков. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 637 с.
14. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер; пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
15. Пайпс, Р. Русская революция: в 3 кн. / Р. Пайпс. – М.: Захаров, 2005. – Кн. 1: Агония старого режима. 1905–1917. – 480 с. [Электронная версия]. – 212 с.
16. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма: избр. произв. / М. Вебер; пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

17. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2-х т. / Ф. Бэкон. – 2-е испр. и доп. изд. Т. 2; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1978. – 576 с.
18. Поппер, К.-Р. Открытое общество и его враги / К.-Р. Поппер; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Марк и другие оракулы. – 528 с.
19. Бэкон, Р. Избранное / Р. Бэкон; под ред. И.В. Лупандина. – М.: Изд-во Францисканцев, 2005. – 480 с.
20. Зуев, Я. Большой план апокалипсиса / Я. Зуев. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.
21. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич: пособие для студ. гуманит. вузов. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – 317 с.
22. Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Бэкон. – 2-е испр. и доп. изд. Т. 1; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1977. – 568 с.
23. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
24. Хайдеггер, М. Ницше и пустота / М. Хайдеггер; сост. О.В. Селин. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 304 с.
25. Хайек, Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
26. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк // Сочинения: в 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 78–82.
27. Хайніцка, К. Гісторыя палітычных і праўных тэорый / К. Хайніцка, Г. Альшэўскі; пер. з пол. У. Маруціка; навук. рэд. У. Маруцік. – Мінск: Медисонт, 2007. – 312 с.
28. Словарь иностранных слов. – Гос. Изд-во Иностран. Нац. Словарей, 1949. – 808 с.
29. Душенко, К.В. Всемирная история в изречениях и цитатах / К. Душенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, ИНИОН РАН, 2008. – 768 с.
30. Локк, Дж. Письма о толерантности / Дж. Локк // Сочинения: в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 91–134.
31. Паліталёгія. Асноўны курс. – Мінск: Выд-ва «Энцыклапедыкс», 2002. – 680 с.
32. Верховенство права: сб. ст.; пер. с англ.; под общ. ред. А. Куликова. – М.: Прогресс, 1992. – 216 с.
33. История политических и правовых учений: учебник для вузов; под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2004. – 912 с.
34. Власов, В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. – М.: Изд-во «РАГС», 2010. – 336 с.
35. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969. – 287 с.
36. Биллингтон, Дж. Икона и топор: Опыт истолкования русской истории / Дж. Биллингтон (J.H. Billington); пер. с англ.: С. Ильин [и др.]; под общ. ред.: В. Скороденко. – М.: Рудомино, 2001. – 880 с.
37. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский; Гос. ун-т – Высш. школа экономики. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.

Поступила 03.04.2014

THE RENAISSANCE AND THE AGE OF REASON ON THE EVE OF THE EUROPEAN ENLIGHTENMENT

A. PUGACHEV

The problem of sources of the European humanitarian thought which has laid the foundation of an era of the Enlightenment is considered. It's offered to reckon from the humanistic concept of the Renaissance and her brightest representatives: Dante, Mirandolla, Montaigne, Erasmus. It is shown how the spiritual culture of the late Renaissance influenced Reformation movement in Northern Europe. The Age of Reason which has connected the Renaissance and the Enlightenment, is presented by F. Bacon, R. Descartes, J. Locke's world outlook approaches. Features of rationalistic philosophy in refraction on political and state and legal culture of the New Age reveal. The special attention is paid to political philosophy and Locke's religious tolerance, whose ideas found subsequently an embodiment in the American and French Enlightenment, the constitutional documents of that era. The events which have seriously shaken moral and political bases of Europe are in detail analyzed: adoption of the Constitution of Corsica and Lisbon earthquake. The scale of the identity of Pasquale Paoli – the first European constitutionalist is shown.